

СОЦИАЛЬНОЕ ИЗМЕНЕНИЕ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПРОЕКЦИЯХ

Со времен Томаса Гоббса проблема *порядка* занимала ключевые позиции в социальном и гуманитарном познании [1]. В XIX в., вследствие осознания грандиозности социальных последствий индустриализации для стран Европы и Северной Америки и фундаментальных отличий последних от традиционных обществ других частей света, к ней прибавилась проблема социального изменения [2]. Изменения, перемены так же присущи обществам, как и тенденции к упорядочиванию и организации социальной жизни. Стабильный порядок и вариативная изменчивость лишь на первый взгляд могут представляться в качестве полярных состояний общества. В действительности, с одной стороны, поддержание порядка, социальной организации требует осуществления множества разноплановых и разномасштабных социальных изменений, призванных обеспечивать ответы на вызовы внешней среды (по отношению к данному порядку), а также на энтропийные внутрисредовые процессы. С другой стороны, динамические процессы также могут рассматриваться как предпосылки социальной кристаллизации, становления определенных социальных упорядоченностей, структур, взаимосвязанных целостностей [3].

Можно утверждать, что между порядком и изменением в области социальной реальности существует непрерывная диалектическая связь. Сложно дать окончательный ответ на вопрос, что же является первичным, а что вторичным в рамках этой тесно связанной пары категорий. Изменение, все таки, представляется более универсальным явлением, поскольку именно оно лежит, как ни парадоксально это звучит, в основе социального порядка. По меньшей мере, представляется не корректным придавать социальному изменению подчиненный статус относительно социального порядка (памятуя поиски инвариантных универсалий, которым, как считают многие, подчиняются динамические процессы, возможно, было бы более правильным отнести данную проблему определения первичного начала к числу принципиально неразрешимых — типа, что первичнее: курица или яйцо).

Особое отношение к социальному изменению у специалистов, занимающихся изучением прошлого. Темпоральность — непрменный атрибут той предметной области, которая интересует историков. Между тем, весь опыт исторического познания убеждает, что не бывает абсолютно изоморфных исторических ситуаций, фиксируемых на разные моменты времени. Историческая ситуация (T_1) будет обязательно чем-то — пускай, трудно уловимым, — отличаться от исторической ситуации (T_2). Еще представитель второго поколения древнегреческих философов Гераклит утверждал, что все находится в состоянии постоянного изменения или движения, нельзя дважды войти в одну и ту же реку — ведь во второй раз другой будет река (прежняя вода утечет), да и человек несколько изменится. Реконструкция последовательности исторических ситуаций, привязанных к вектору хронологической последовательности — традиционная про-

цедура исторического исследования. Таким образом, анализ изменений органически входит в арсенал познавательных приемов историка. В связи с этим исследование параметров социального изменения, систематизация подходов, применимых к его изучению, заслуживают особого внимания.

Концептуализация понятия *социальное изменение*

Понятие *социальное изменение* в высшей степени многогранно, оно охватывает трансформации социальных структур, практик, возникновение новых или обеспечение функционирования прежних групп, форм взаимодействия и поведения. В социальной среде (на разных ее уровнях: принято говорить о микро-, мезо- и макроуровне, — хотя список их может быть детализирован) происходят демографические, экологические, технологические, экономические, политические, социокультурные, социально-психологические (и т.д.) изменения различной скорости, масштаба, сложности, направленности.

Все эти мириады перемен вызываются различными причинами (факторами, источниками), иерархию которых очень сложно реконструировать, поскольку их множество (здесь, среди прочего, и врожденное любопытство человека, его вечное стремление к экспериментированию, освоению и исследованию новых неизвестных доселе пространств, преодолению созданных им же проблем), между ними существуют достаточно тесные и порой запутанные взаимосвязи. Структурные (интересы и ценности социальных групп), нормативные (системы норм и обычаев) и поведенческие (индивидуальные предпочтения) факторы представляют значительную, хотя, конечно, далеко не полную совокупность источников социальных изменений. В обществоведении существуют две полярные позиции по поводу объяснения источника социальных изменений: 1) *детерминистская*, сторонники которой пытаются обнаружить единственную причину («перводвигатель»), объясняющую всю совокупность последующих общественных изменений (возможен, например, географический, демографический, технологический, экономический, конфликтологический, политический, идеологический детерминизм; и т.д.); 2) *плюралистическая*, более предпочтительная, представители которой акцентируют внимание на множественности факторов социальной динамики и на обоюдности их влияний.

Не претендуя на выявление первопричин социальных изменений, попытаемся выделить лишь некоторые линии причинно-следственных зависимостей.

Природно-климатические изменения, несомненно, вызывают соответствующие социальные реакции. Наводнения, засухи, ураганы, длительные изменения климата приводят к демографическим трансформациям, миграциям, сдвигам в структурах занятости. Социокультурная и политическая организация общества зависит от физического окружения, особенно в экстремальных ситуациях. Географические условия становились катализатором социальных и политических изменений, приводивших к возникновению государства и его эволюции. Так, исследователи полагают, что возникновение государств на обширных территориях, с сильной централизованной властью, имеющей деспотический характер, было связано с формированием так «называемого азиатского способа производства», географической основой которого была необходимость проведения в

широких масштабах ирригационных работ. Порой географические и связанные с ними демографические условия (например, проживание немногочисленных индейских племен на бескрайних просторах Северной Америки) не могли способствовать быстрому образованию государства хотя бы по причине недостаточной концентрации населения и вытекающей отсюда невозможности создания сильных центров власти. По мнению академика РАН Л.В. Милова, именно природно-климатический фактор (существование российского социума в суровых природно-климатических условиях) оказывал определяющее воздействие на характер и темпы развития российской государственности: сравнительно позднее возникновение государственности; длительность самодержавной формы управления; широкие хозяйственно-экономические функции государства; активность государства в области создания так называемых «всеобщих условий труда» [4]. Известный американский руссиевед Р. Пайпс также отводит значительное место географическому фактору при анализе истории российского общества. Огромные размеры России и отсутствие естественных границ приводили, по его мнению, к необычайному расширению территории Русского государства. Правительство, в силу своей бедности, а также из-за слабости коммуникаций, больше полагалось на произвол администраторов, препятствуя развитию самоуправления, эффективных правовых институтов, обеспечению прав человека. Располагая огромными природными ресурсами, Россия не имела средств для их использования. Развитию торговой цивилизации и городской жизни мешала удаленность от морей и мировых торговых центров. Культурная жизнь в этих условиях определялась религией и церковью. Окруженная мусульманами и католиками, Россия ощущала себя изолированной и отчужденной, а это, в свою очередь, как считает Р. Пайпс, порождало настроения мессианства. Вера в особый путь, утверждает американский историк, оказала скорее разрушительный эффект на эволюцию России как при царях, так и при коммунистах [5]. И все же, преувеличивать воздействие географической среды на социальные процессы не следует. «Имелись случаи, когда люди, обладающие самой примитивной технологией, — справедливо отмечает один из крупнейших современных социологов Э. Гидденс, — создавали продуктивную экономику в достаточно негостеприимных условиях. И наоборот, охотники и собиратели часто населяли очень плодородные регионы, но никакими видами скотоводства или земледелия не занимались. Это означает, что вряд ли можно говорить о существовании прямой и постоянной связи между природной средой и типом производственной системы данного общества» [6].

Демографические сдвиги (изменения в количестве, составе, распределении населения) справедливо рассматриваются в качестве важного двигателя социальной динамики. Население имеет тенденцию к росту, когда в наличии имеется достаточно продовольствия. В свою очередь, увеличивающаяся в размерах человеческая популяция вынуждена искать более эффективные технологии (агркультурные инновации или новые формы социальной организации) для обеспечения производства большего количества продуктов. Если все же прирост населения опережает производство продовольствия, возможны наступление голода и эпидемий, эскалация конфликтов и войн или миграции части населения

на новые территории с целью поиска средств к существованию. Подобные сценарии были широко представлены в истории как доиндустриальных обществ древности и средних веков [7], так и в новое и новейшее время (например, массовые миграции в Северную Америку и Австралию из плотно заселенных районов Западной Европы в период новой истории; или постоянная конфликтность в современных голодающих регионах Третьего мира).

Социальные изменения находятся в значительной зависимости от технологических сдвигов, технологического прогресса. Технологические новшества способствовали повышению возможностей адаптации общества к окружающей среде, росту производительности труда, изменению структуры производства, трудовых ресурсов, системы расселения, образа жизни. Тесная связь, которую подчеркивают сторонники модернизационного подхода, между индустриализацией (переходом от ручного к машинному труду), с одной стороны, и множеством прогрессивных динамических процессов в других социальных областях, с другой стороны (демографическая революция; утверждение открытой системы стратификации с высоким уровнем социальной мобильности; переход от племенных или феодальных структур к бюрократическому устройству демократического или тоталитарного типа; снижение роли и влияния религии; отделение функции образования от семьи и общины, удлинение и обогащение образовательного процесса; рост «массовой культуры»; развитие средств массовой информации и т.д.), не вызывает сомнений.

Идеи технологического детерминизма (придания технологическим факторам решающего значения в процессе социального развития) лежат в основе многих схем исторической эволюции общества. Ряд тезисов основоположников исторического материализма дает основание для трактовки их в духе технологического детерминизма. Так, согласно формуле К. Маркса, «ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом». «Орудия дикаря обуславливают его общество совершенно в той же мере, как новейшие орудия — капиталистическое общество», — писал Ф. Энгельс К. Каутскому от 26 июня 1884 г. В работе В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» различия между пореформенной и предшествующей эпохами даны в терминах технологического объяснения: «Пореформенная эпоха резко отличается в этом отношении от предыдущих эпох русской истории. Россия сохи и цепа, водяной мельницы и ручного ткацкого станка стала быстро превращаться в Россию плуга и молотилки, паровой мельницы и парового ткацкого станка» [8]. Но, все же, в историко-материалистической модели исторического процесса технологические факторы тесно увязываются с экономической организацией общества, с социальными производственными отношениями.

Более очевидна технологическая детерминация в схеме Ж. Фурастье, который предложил в свое время рисунок последовательной смены первичной, вторичной, третичной цивилизаций (преобладание, соответственно, аграрного производства, промышленности, сферы услуг и духовного производства), в основе которого лежала идея воздействия на общество достижений научно-технического прогресса, которому приписывался самодовлеющий характер, автономность от общественных отношений [9]. Более известно членение истории человечества на

доиндустриальное (аграрное), индустриальное (капиталистическое и социалистическое) и постиндустриальное общество (Д. Белл, Г. Канн, А. Турэн; технотронере — Э. Бжезинский; сверхиндустриальное — А. Тоффлер; информационное — И. Масуда, Т. Сакайя; также — супериндустриальное, кибернетическое, постмодернистское, постдефицитное, посткапиталистическое, постбуржуазное, постпредпринимательское, пострыночное общество, «третья волна», общество автоматизации и связи, общество услуг, общество знаний), которое предлагается многими сторонниками концепции постиндустриального общества. Представители данной концепции также придают уровню технического развития решающее значение при определении основных стадий эволюции общества [10].

Однако, абсолютизация зависимости между изменениями производственных технологий и социальными сдвигами подвергается критике за то, что она ведет к игнорированию социальных процессов, создающих необходимые предварительные условия для изобретений и применения технологических инноваций. Технологический детерминизм камуфлирует также проблему сосуществования разнообразных социальных механизмов с различными типами технологии.

Широкое признание в социальных науках получила идея, согласно которой динамика общества в значительной степени определяется экономическими сдвигами. Так, в рамках марксистского подхода производственные отношения (в первую очередь, собственность на средства производства) рассматриваются как решающий фактор, детерминирующий процессы социального развития, социально-классовую структуру общества, его политическую и социокультурную надстройку. Размышляя над проблемой синхронности генезиса капиталистических отношений и рефеодализации в различных регионах Европы XVI в., известный польский экономист и историк Е. Топольский обнаруживает ряд причинно-следственных зависимостей между экономическими и социальными переменными. «Кризис сеньориальных доходов» и «повышение социально-экономической активности горожан и крестьян» приводят к «повышению активности дворянства», которое может выступать в качестве фактора «рефеодализации» (Центральная и Восточная Европа). Одновременно «повышение социально-экономической активности горожан и крестьян», а также «повышение активности дворянства» могут вызывать в качестве следствия «генезис капитализма» [11].

Противоречия интересов и борьба по поводу ограниченных ресурсов (конфликты) также нередко интерпретируются как весьма важные источники социальных изменений. Конфликтность обнаруживается в межцивилизационном и межстрановом пространстве, между классами, региональными и локальными, социально-профессиональными, расовыми и этно-конфессиональными группами, между институтами, ведомствами, между государством и гражданами страны и, наконец, между конкретными индивидами. При этом конфликту приписываются как деструктивные (подрывающие социальный порядок), так и конструктивные последствия (обнаружение и устранение болевых точек, дефектов общественного устройства, обновление, оживление социального организма).

Широкий круг социальных изменений связывается с внедрением инноваций, то есть новых способов производства [12]. При этом выделяются две разновидности инноваций: 1) открытие определяется как приращение знания на

основе использования некоторых уже существующих теорий; 2) *изобретение* — это облечение в некоторую новую форму наличных знаний (например, создание паровой машины, синтетических материалов или автомобиля). Инновации (и открытия, и изобретения) преимущественно являются не изолированными случайными действиями, но результатами накопления технологического и социального знания. Последнее выступает в качестве базы, определяющей горизонты научного поиска и возможности изобретательской деятельности. Так, самая смелая попытка Леонардо да Винчи — попытка создания механического летательного аппарата — была заранее обречена на неудачу, так как такое необходимое для этого предварительное изобретение как бензиновый двигатель было все еще в далеком будущем. Поэтому великому представителю итальянского Возрождения пришлось удовлетвориться изобретением велосипеда. Вообще, трагедия гения эпохи Возрождения, по мнению известного историка науки Дж. Бернала, состояла в том, что «он мог изобретать машины чуть ли не для любой цели и рисовать их несравненно хорошо, однако почти ни одна из них и ни одна из наиболее важных не смогла бы работать, даже если бы он сумел найти достаточно денег, чтобы их сделать. Без количественного знания статистики и динамики, без использования первичного двигателя вроде паровой машины инженер эпохи Возрождения фактически не мог даже выйти за пределы, установленные традиционной практикой» [13].

Социальные изменения чаще всего вызываются инновациями следующих трех типов: 1) новые технологии (автомобиль, например, революционизировал городской ландшафт и характер жизни горожан; по мнению У.Ф. Отбёрна, изобретение стартера, облегчившее и упростившее управление автомобилем, напрямую способствовало эмансипации женщин, позволив им войти в деловой мир и трансформировав их роль в рамках семейных отношений); 2) культурные новшества (новые верования, ценности, идеологические конструкции; так, по мнению Р. Нисбета, идея прогресса стимулировала стремительные технологические трансформации в Западной Европе на протяжении XVII—XVIII вв.); 3) новые формы социальной структуры (например, бюрократическая организация в свое время явилась новым типом социальной структуры, призванной справляться со сложными административными задачами, спровоцированными обществом *modernity*).

Существенным фактором социальных изменений выступает *диффузия* — то есть распространение инноваций, в том числе их импорт в данное общество *извне* [14]. Именно способность обществ заимствовать технологии, практики, институты, культурные модели выступает в качестве предпосылки ускорения социального прогресса. Процесс диффузии получает дополнительные импульсы благодаря совершенствованию транспорта и средств коммуникации, облегчивших интерсоциальные контакты и взаимодействия внутри обществ. Распространению инноваций способствуют торговля, войны, путешествия, радио и телевидение.

Роль диффузии в истории трудно переоценить — трансляция письменности, алфавитов, мировых религий сопровождала становление цивилизаций. Весьма распространенная в Европе модель абсолютистско-полицейского государства являлась упрощенной версией популярной в Германии XVII—XVIII вв. уто-

ник так называемого полицейского государства. Известно, как широко распространились в XVIII в., переступая государственные границы, идеи Просвещения в Европе и даже в Новом Свете, какое значительное влияние они оказывали на политические и социокультурные процессы.

Индустриализация, развернувшаяся первоначально в Великобритании во второй половине XVIII в., также осуществлялась во многом в результате диффузии, а не независимого развития в рамках отдельных сообществ. Колоссальное расширение коммуникационных возможностей в современном обществе привело к превращению земного шара в своего рода «глобальную деревню» (выражение М. МакЛухана). Следствием колоссально выросшего уровня диффузии становится «революция растущих ожиданий» — стремление населения различных регионов мира, в том числе бедных, обеспечить себе образ жизни, который преподносится рекламой, телевидением, кино и который не всегда в состоянии поддерживать национальная экономика.

При этом, признавая огромную роль диффузии в процессе социальных изменений, особенно в современном мире, не следует понимать ее буквально, упрощенно, как простой перенос каких-либо явлений в пространстве. Следует помнить, что в процессе адаптации к новым условиям происходят сложные взаимодействия (включающие обоюдные влияния) между импортированными технологиями, институтами, ценностями и т.д. и средой, где они должны укорениться. Последствия диффузии одного и того же элемента или комплекса элементов для различных территорий могут быть совершенно различными (по меньшей мере, отличными). Данный тезис хорошо иллюстрирует наблюдение М. Мална по поводу распространения в Европе пришедших на место «старого порядка» (*Gancien régime* — то есть, абсолютная монархия, узаконенная социальная иерархия, монополия государственной церкви) структур *modernity*, характерных для Нового времени: «Так, начав с передового атлантического Запада, силы демократии и индустриализма, либерализма и социализма, классицизма и романтизма двигались с Запада на Восток. Однако в процессе этого движения каждый из этих аспектов современной цивилизации преобразался, а иногда и искажался, по мере проникновения в неравномерно развитые зоны. Таким образом, внутри большой Европы существует ряд подразделений: англо-французский Запад, германский Центр, славянский Восток и средиземноморский Юг. Кроме того, существует дальний Запад — за Атлантическим океаном, в Америке, — сочетающий в себе элементы всех европейских подразделений» [15].

Идея обоюдного влияния и взаимообусловленной трансформации импортируемых инноваций и эндогенных традиций лежит в основе концепции частичной (или частичной, «фрагментированной») модернизации. «Во многих обществах — писал автор данной концепции Д. Рюшмейер, — модернизированные и традиционные элементы сплетаются в причудливые структуры. Часто такие социальные несообразности представляют собой временное явление, сопровождающее ускоренные социальные изменения. Но нередко они закрепляются и сохраняются на протяжении поколений. Именно такие устойчивые формы существования разнородных социальных структур являются предметом настоящего исследования. Если давать формальное определение, то частичная

модернизация представляет собой такой процесс социальных изменений, который ведет к институционализации в одном и том же обществе относительно модернизированных социальных форм и менее модернизированных структур» [16]. Возможность парциальной модернизации связывалась с проникновением современных социокультурных практик и ценностей в слабо развитые общества, то есть с механизмом диффузии и наличием контакта между обществами, стоящими на существенно различных ступенях развития. При этом исторический материал свидетельствовал в пользу существования достаточно широких возможностей для восприятия даже сложных институциональных и культурных феноменов обществами-реципиентами, весьма далекими от того, чтобы самостоятельно производить подобные феномены.

Нельзя обойти вниманием такой источник социальных изменений, как нормативные системы — субъективные регулятивы, функционирование которых основывается на способности человека подражать, действовать по образцам. Нормативные системы — исключительная принадлежность социальной реальности, не имеющая аналогов в физической реальности [17]. Нормативные системы состоят из нормативов, возникающих субъективно в целях упорядочения социальной действительности путем организации определенных линий поведения и имеющих, соответственно, субъективную природу (согласно К.Р. Попперу, «нормативное предположение о некоторой линии поведения или норме с целью принятия после последующей дискуссии и решение о принятии этой линии поведения или нормы создают эту линию поведения или норму» [18]). Это разнообразные, созданные человечеством, регулятивные системы: нормативные предписания, социальные стереотипные ценностные установки, традиции, обычаи, образцы производственной деятельности, образцы поведения, речи, мышления и т.д., которые властно вмешиваются в ход исторического процесса, дирижируя его, диктуя его конкретные шаги. Импульс субъективному регулятиву может задавать как вполне осознанное, планируемое, точно фиксируемое волеизъявление (например, в государственном законе, политике правительства), так и спонтанное, конвергентное, растянутое во времени рождение экземпляров поведения (например, традиция). Сфера и масштаб действия и последствий субъективных регулятивов могут быть различными. Одно дело — этикетная инструкция, определяющая правила поведения в быту. Другое дело — норматив, регулирующий отношения в социальной, административно-политической, экономической и др. сферах. Современные законодательные, судебные, административные институты перманентно вырабатывают новые правила человеческой жизнедеятельности (законы, инструкции и т.д.), которые могут оказывать воздействие как на все общество, так и на определенные его сегменты, изменяя природу властных и социальных отношений, перераспределяя права и обязанности, влияя на ценности, поведенческие установки, жизненные стили, приемы адаптации, институционализированные модели и практики партнерства. Правовая система выступает в качестве вездесущего инструмента социальных изменений благодаря непрерывным процессам регулирования, дерегулирования, выборочного принуждения.

Социально-психологические факторы социальных изменений также заслуживают внимания, поскольку, в конце концов, общества трансформируются благодаря тому, что меняются люди. Существо различных социально-психологических перспектив и заключается в выявлении зависимостей между изменениями психологических параметров (которые трактуются как детерминанты) и социальной динамикой. Социальные трансформации при этом могут объясняться предварительным осуществлением в рамках данного общества определенных социально-психологических мутаций; социальная стагнация связывается с отсутствием последних. Данный подход акцентирует внимание на человеке и психологических детерминантах, которые стимулируют людей осуществлять определенные виды деятельности (карьера, изобретательство, научные открытия и т.д.). Хорошо известна концепция М. Вебера, согласно которой развитие капитализма в Западной Европе было подготовлено утверждением «духа протестантизма». По мнению Д. МакКлелланда, успешная модернизация должна быть обеспечена мотивацией достижения или достижительной (ориентация на успех, активность, мобильность в противоположность традиционному образу действий), которую необходимо предварительно привить человеку [19].

Социальные изменения приобретают разнообразные конфигурации. По мнению У. Мура, можно выделить 10 моделей социальных изменений, различающихся своей направленностью [20].

Модель *постепенного и непрерывного роста* (модель 1) графически может быть изображена в виде прямой линии, плавно поднимающейся со временем снизу вверх. Подобная траектория обычно использовалась для характеристики линейного прогресса, который в чистом виде, вероятно, в реальности не встречается. Тем не менее, данная модель может быть использована в качестве аппроксимации направления последовательности социальных изменений, которые имеют место в течение более коротких интервалов времени (например, средний рост производительности для страновой экономики).

Стадиальная ступенчатая эволюция (модель 2) — более распространенная модель социальных изменений — широко используется при характеристике процессов исторического развития. В основе данной модели лежит представление о постоянном чередовании периодов расширенного роста, стимулируемых каким-либо крупным прорывом, открытием, достижением, с периодами стабильной динамики («лестница» на диаграмме). Подобная модель вызвала к жизни схемы развития человечества через последовательности эпох или стадий (цивилизаций), где каждая последующая стадия считалась более совершенной по сравнению с предшествующей (например, известная археологическая периодизация — палеолит, мезолит, неолит, энеолит, бронзовый век, железный век; историко-материалистическое членение всемирно-исторического процесса по формациям: первобытнообщинный строй, рабовладельческое общество, феодальное общество, капитализм, коммунистическая формация). Модель 2 может использоваться и при рассмотрении социально-экономического и научно-технического прогресса («непрерывность прогресса ... сочетается с дискретностью отдельных его периодов («ступеней»), каждый из которых вызывается определенным импульсом, имеющим собственную продолжительность» [21]).

Представление о непропорциональности темпов эволюции лежит в основе следующей модели социальных изменений, которую можно идентифицировать как модель *неравномерного развития (модель 3)*. Данная модель может быть применена для описания экономического роста, если последний представить некоторыми пиками: например, 1) первая промышленная революция конца XVIII — начала XIX в.; 2) вторая промышленная революция конца XIX — начала XX в.; 3) третья промышленная революция середины XX в., перешедшая в научно-техническую революцию [22]. В рамках данной модели весьма быстрый рост после внедрения комплекса инноваций сменяется стабилизацией темпов развития; причем интервалы динамики не отличаются симметричностью.

Модель *циклического роста (модель 4)* предусматривает векторную повышательную динамику, включающую циклы с фазами подъема и регресса. Считается, что данная модель позволяет, например, описывать деловые циклы, которым присущи как прогрессивные стадии (оживление, процветание, зрелость), так и стадии упадка (упадок, депрессия). Если первые, классические схемы теории модернизации наивно строились на основе моделей непрерывного или стадийного развития (соответственно, модели 1 и 2; например, концепция стадий экономического роста У. Ростоу), то представители современного неомодернизационного анализа утверждают, что процесс модернизации не может трактоваться как непрерывный, даже если конкретным обществом пройдена стадия «взлета» («take-off»). Они обнаруживают склонность формулировать свои схемы, опираясь на модель циклического развития. Так, Э. Тирнакьян подчеркивает необходимость более внимательного отношения к циклической природе процесса модернизации: «существуют периоды расширенной деятельности по изменению или совершенствованию социальных структур или институционального устройства не только внутри, но и между обществами, и имеют место другие периоды, когда наступают удовлетворенность и усталость, сопровождаемые лишь слабыми попытками подъема и обновления». Такие периоды кажущейся неактивности, отмечает исследователь, могут быть эпохами упадка (например, последовавший после грандиозного взлета период стагнации в истории Нидерландов в XVIII в.) или медленного скрытого вызревания инноваций и новой ментальности, еще не проникших в официальный институциональный порядок и властные структуры [23].

Модель 5 (разветвленная, многолинейная динамика) является более сложной по сравнению с предшествующими, поскольку пытается охватить разнообразные возможные маршруты эволюции: стабильный рост для одних обществ, цивилизаций, сегментов общества; застойность для других; регресс и даже абсолютный упадок (завершающийся исчезновением) для третьих. При этом модель предусматривает возможность изменения траектории движения с течением времени: стабилизация или упадок после стремительного подъема; внезапный рост после длительных периодов относительно медленного развития и т.д. Графическое отображение модели дает рисунок ветвящегося дерева, протянутого вдоль временной оси. Данная модель отвечает некоторым современным концепциям модернизации, предусматривающим способность процессов перехода от традиционности к современности адаптироваться к разнообразным контек-

стам по мере их исторического развертывания, возможность осуществления модернизации в одно и то же время как в одной стране, так и в кластере стран; отказ от представления о каком-то одном фиксированном «центре modernity» и признание возможности существования нескольких «эпицентров» модернизации, число которых может пополняться, а конфигурация их — меняться [24].

Циклическая безвекторная динамика (отсутствие тренда) воплощается моделью 6, которая использовалась в циклических теориях общественно-исторической эволюции, например, Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, П. Сорокина. Определенную популярность в современном отечественном обществоведении получила концепция географически и культурно детерминированного циклизма российской истории, якобы вечно возвращающейся к «исторически более ранним формам» в силу недостаточного потенциала развития (А.С. Ахиезер) [25]. В рамках данной модели эволюция предстает в виде циклической флуктуации, не ведущей в конечном счете к прогрессу, но лишь постоянно повторяющейся предшествующие периоды. Пики и спады данной модели не свидетельствуют о наличии какой-либо общей восходящей тенденции, в отличие от моделей 3 и 4. Считается, что модель циклической безвекторной динамики может с успехом применяться для интерпретации множества социальных явлений (например, динамики браков, рождений, разводов и т.д.), если мы прибегаем к относительным, а не абсолютным показателям.

В основе логистической кривой (S-образной) роста (модель 7) лежит гипотеза «насыщения», то есть присутствия предельной для данных конкретных условий численности, по мере приближения к которой прирост замедляется в силу влияния некоторых препятствующих ему сил (например, ограниченности ресурсов). Данная модель нашла широкое применение при характеристике демографических процессов роста населения. Концепция логистического роста населения впервые была высказана в 1835 г. бельгийским ученым А. Кетле, развита бельгийским же математиком П. Ферхюльстом (1838 г.). В 1920 г. логистическая кривая была вновь «открыта» американскими биологами Р. Пирлом и Л. Ридом. Изучая продолжительность и темпы роста популяции плодовых мушек в зависимости от ее плотности, они установили, что первоначально прирост увеличивается (медленно, затем — все быстрее), а затем, достигнув определенного уровня (асимптота), приостанавливается. Данная закономерность была перенесена Р. Пирлом на рост человеческого населения и обнаружила свою адекватность применительно к отдельным периодам (до 1920-х гг.) нескольких европейских стран и США. Модель логистического роста использовалась при описании демографической и экономической динамики в исследованиях представителей школы «Анналы» (Ф. Бродель и др.), экономиста Р. Камерона, в рамках миросистемного анализа (И. Валлерстайн). Известны попытки ее применения при изучении культурных комплексов (Х. Харт). При помощи логистической кривой роста моделируется индивидуальный жизненный цикл технологий (продуктов — например, автомобиля, самолета, радио и т.д.) — в данном случае предполагается, что первоначальный быстрый рост постепенно понижается под давлением со стороны насыщенного и сужающегося рынка (концепция Г. Менша) [26].

Реверсивная логистическая кривая (модель 8), являясь симметричным отражением модели 7, применяется для описания некоторых нисходящих тенденций. Например, снижение темпов смертности вследствие улучшения продовольственного снабжения, медицинского обслуживания (в период демографического перехода или революции) первоначально протекает быстро, но затем, приблизившись к некоторому минимуму, замедляется [27].

Ряд феноменов социальной реальности позволяет аппроксимировать модель экспоненциального роста (модель 9). Так, данная модель использовалась для описания неограниченного демографического роста (концепция Т.Р. Мальтуса, основанная на законе народонаселения, который, по мнению ученого, «состоит в постоянном стремлении, свойственном всем живым существам, размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи»).

Следующая модель (модель 10), имеющая вид нисходящей кривой, обслуживает ситуации, противоположные тем, которые описываются предшествующей моделью. Модель 10 применяется при изучении процессов упадка, деградации.

Идентифицированные У. Муром модели, не охватывая всех возможных вариантов социальных изменений, существенно упрощают процедуры изучения последних. При этом к данным моделям следует относиться не как к конкурирующим обобщениям (абсолютизация одной из моделей вряд ли оправдана), а как к схемам, применимым к соответствующим ситуациям, аспектам социальных процессов и явлений (модели — инструменты познания, которые должны оцениваться по эффективности, плодотворности и эвристическим возможностям). Подбор адекватных моделей для анализа конкретных сторон социальной действительности — весьма сложный процесс, требующий глубоких знаний и даже интуиции от исследователя. Перегнетность социальных тенденций, их взаимодействия между собой, вызывает потребность в создании сложных модельных конструкций, модулями которых могут выступать более простые схемы социальных изменений (например, в длинноволновые модели экономической динамики могут инкорпорироваться свернутые модели логистического и экспоненциального роста, упадка и т.д.; многолинейная модель модернизации может быть представлена как суперкомпозиция, включающая прогрессивные, стадийные волновые модели роста, схемы циклической безвекторной динамики и даже упадка и т.д.).

Многоаспектность социальных изменений существенно осложняет процедуры концептуализации данного понятия. Определение социального изменения зависит от дисциплинарных привязанностей авторов (социологи, экономисты, политологи, историки, демографы, этнологи и представители других специальностей обнаруживают склонность по разному интерпретировать природу социальных изменений), от акцентуации внимания на различных сторонах социальных сдвигов. Теоретико-концептуальные и идеологические ориентации ученых также оказывают влияние на формирование исследовательского фокуса при решении данного вопроса.

Согласно одной из точек зрения (1), социальное изменение сводится к модификации (с течением времени) социальных практик и социальных ролей, выполняемых людьми в ходе социальных взаимодействий. Трансформация социальной структуры, то есть моделей социального действия и взаимодействия

воплощенных в нормах (правилах поведения), ценностях, культурных продуктах и символах (2), рассматривается другими исследователями как основная характеристика социального изменения («Социальное изменение, — по мнению Н. Смелзера, — можно определить как изменение способа организации общества [28]»). Э. Гидденс характеризует социальные изменения как «перемены в базовых структурах социальной группы или общества» [29]). Сторонники данного подхода обращают внимание на неустойчивость, противоречивость, гибкий характер агрегирования социальных структур, подверженных существенным изменениям. Ряд исследователей обращает внимание на то, что социальное изменение нельзя сводить только к структурным сдвигам, но необходимо также учитывать и перемены в характере функционирования общества (3). Так, по мнению Э.К. Аспа, под социальными изменениями следует понимать «прежде всего перемены в структуре и функционировании социальной системы»; «социальная переменная означает процесс, в ходе которого наблюдаются значительные изменения структуры и деятельности какой-то социальной системы» [30]. Сторонники данной точки зрения считают, что игнорирование динамических процессов, важных для функционирования системы в целом (например, достижение целей или выполнение определенных условий), делает исследование социальных изменений односторонним. Порой социальные изменения трактуются как, в первую очередь, изменения социальных отношений (4). Существует мнение, что социальное изменение, помимо сдвигов в области социальных отношений, должно включать также структурные трансформации. В рамках данного подхода обращается внимание на множественность уровней (от индивида до структуры), на которых протекают процессы социальных изменений (5) [31].

В рамках данных попыток концептуализации акцент делается на выделение той области социальной реальности, где, по мнению ученых, локализуются изменения. Подобные подходы неизбежно страдают определенной односторонностью и описательностью. Синтетическую попытку концептуализировать понятие социального изменения предпринял С. Ваго, включивший в орбиту рассмотрения существенные параметры изменения. По мнению ученого, социальное изменение можно определить как процесс запланированных или незапланированных качественных или количественных сдвигов в социальных явлениях, который отображается в 6-мерном континууме, составленном из взаимосвязанных аналитических компонентов (*идентичность, уровень, продолжительность, направление, масштаб, степень изменения*) [32].

Идентичность изменения, в схеме С. Ваго, означает определение того социального явления, который подвергается трансформации — того, что меняется (это может быть норма, отношение, определенная практика, поведение, установка, мотивация, образец взаимодействия, структура власти, уровень производительности, престиж, система стратификации и т.д.). Например, изменение может иметь отношение к какой-либо социальной функции — специализация и дифференциация труда, понижение экономической роли (функции) семьи — или к социальной структуре (социальная дифференциация, кристаллизация власти, установление кооперативных либо конкурентных отношений и т.д.). Идентификация социального изменения — отнюдь не тривиальная процедура.

«Неудача в определении идентитета или того, что меняется, — как пишет С. Ваго, — может легко привести к путанице».

Уровень изменения связан с локализацией того места в социальной системе, где происходит какой-либо сдвиг (например, уровень индивида, группы, организации, института, взаимоотношений подсистем или общества в целом). Изменение может быть локализовано на уровне индивидуального (сдвиг в области психологических установок, верований, стремлений) или группового уровня (скорее, механизмы взаимодействия, методы преодоления конфликта, достижения солидарности, конкуренции и т.д.). На уровне организации придется рассуждать о сдвигах в ее структуре и функциях, иерархическом и коммуникационном устройстве, ролевых сетях, механизмах рекрутирования и социализации. Институциональный фокус требует изучения, например, изменений моделей семьи, образования, хозяйственной деятельности. Анализ изменений на уровне общества в целом может быть связан с рассмотрением динамики крупных социальных подсистем — стратификации, экономики и т.д. — или взаимоотношений между ними — например, установление доминирующих позиций административно-политической сферы относительно экономики в условиях тоталитарного режима.

Параметр *продолжительность* важен для фиксации длительности изменения, которое может быть краткосрочным или долгосрочным. Использование данного индикатора приобретает особую актуальность в свете признания бесконечной множественности исторического времени (например, Э. Лабрусс, Ф. Бродель). Известно, что обычно более продолжительны изменения географического и материального контекста, быстрее происходят экономические изменения, еще быстрее — политические (соответственно, долгое, среднее и краткое время истории, по Ф. Броделю). О вариативности временной динамики различных исторических феноменов писал также М. Блок: «Ведь каждому типу явлений присуща своя, особая мера плотности измерения, своя, специфическая, так сказать, система счисления. Преобразования социальной структуры, экономики, верований, образа мышления нельзя без искажений втиснуть в слишком узкие хронологические рамки» [33]. Большую познавательную ценность имеет выяснение характера взаимодействий и взаимовлияний между социальными изменениями различной длительности, которые протекают одновременно, но в разных частях общества (различные институты, уклады, сегменты населения, регионы и т.д.). Представляется, что именно вследствие подобных взаимодействий крупномасштабные изменения приобретают неповторимый национальный (страновой) облик.

Направление изменения указывает на различие между начальной и конечной позицией социального феномена, подверженного изменению. Изменение может характеризоваться как развитие, прогресс или, наоборот, упадок, деградация. Использование данного параметра позволяет квалифицировать изменение как линейное, эволюционное, стадияльное, циклическое, зигзагообразное или подчиняющееся какой-либо иной модели. Траектории социальных изменений, как уже отмечалось, могут быть самыми различными. Сложность заключается в том, что обычно изменение включает множество менее масштабных изменений различной, в свою очередь, направленности. Положительные (име-

ющие в качестве следствия процессы развития) изменения внутри макросистемы должны резюмировать как положительные, так и, вероятно, неизбежно отрицательные микроизменения (эрозия каких-то частей макросистемы, блокирующих положительный рост).

Масштаб характеризует размер, величину изменения. При этом С. Ваго предлагает придерживаться 3-частной модели (предложенной Р. Дадем для измерения величины политических изменений [34]), которая предусматривает восхождение от частных, маргинальных (инкрементальных) изменений к равносторонним и, наконец, к революционным. Инкрементальными С. Ваго квалифицирует такие изменения, которые повышают или понижают значение отдельных норм или поведенческих практик, не меняя базовых принципов общества, его структуры. Всесторонние изменения ученый характеризует как кульминацию взаимосвязанных частных изменений (по выражению Р. Даля, «радикальные инновации или решительная отмена установленных норм или образцов поведения»). Революционные изменения, по мнению С. Даля, связаны с полной, всеобъемлющей сменой прежних норм и форм поведения. Как можно видеть, граница между изменениями различного масштаба по С. Ваго не является четкой: накопление частных изменений может результироваться более обширными, в конце концов, революционными изменениями.

Использование показателя *степень* изменения указывает на *скорость* перемен (быстрое или медленное, непрерывное или спазматическое, организованное, упорядоченное или беспорядочное, неустойчивое изменение).

Степень сознательности, целенаправленности, планомерности, проективности (противоположностью в данном случае будет выступать стихийность, спонтанность, незапланированность), присущая социальному изменению, как нам кажется, заслуживает специального измерения, возможно, путем использования параметра *характер* социального изменения. Естественно, преднамеренность и стихийность не могут рассматриваться как абсолютно оппозиционные категории. Чисто планомерное изменение невозможно в силу действия феномена незапланированного планирования: «чем обширнее осуществляемые колические изменения, тем значительнее их непреднамеренные и во многом неожиданные последствия, вынуждающие колического инженера обращаться к приемам «позлементной» импровизации»; «утопический инженер постоянно делает вещи, которых он делать не собирался» [35]. Так же невозможно, вероятно, и абсолютно спонтанное изменение — хотя бы потому, что любые социальные изменения предполагают (складываются из) какие-то действия социальных акторов. Последние же, в свою очередь, склонны обдумывать свои поступки, «планировать» их (пускай и не всегда; возникли целые отрасли знания, в частности, психоанализ, обсуждающие человеческие действия, «проектируемые» подсознанием).

Тем не менее, различать степень сознательности (то есть фиксировать конкретное социальное изменение на шкале, ограниченной двумя идеализированными полюсами — абсолютной программируемости и абсолютной стихийности) при анализе социальных и исторических процессов представляется полезным. Предсказание (информация о ситуации) оказывает определенное влияние на ситуацию, способствуя ее появлению или предотвращению. К. Поппер именует

связь между информацией о ситуации и развитием самой ситуации «Эдиповым эффектом», ссылаясь на легенду об Эдипе (убил своего отца, которого никогда не видел, в результате пророчества, когда-то заставившего отца покинуть сына) [36]. Хотя проект действия не всегда аналогичен (обычно, как раз не аналогичен) свершившемуся действию, изучение зависимости между проектом и актом (социальным изменением) дает много нового материала о природе среды, о потенциальных планах ее трансформации, в конце концов, о том окончательном рисунке социального изменения, который оно приобретает. Исследуя социальные движения, революции, историки предпринимают попытки разделить проективные и спонтанные составляющие этих явлений, чтобы понять их сложность и многоплановость, те формы и масштаб, которые они принимали. При этом как раз игнорирование сложного характера социальных явлений (абсолютизация плановости или, наоборот, стихийности) приводит к искажению воссоздаваемой исторической картины (можно вспомнить о модных в постперестроечный период попытках приписывать революционерам-большевикам все беды Октябрьской революции, основанных на невежественном забвении того факта, что революция отнюдь не является изолированным событием, происходящим по воле только ее лидеров; с другой стороны, стремление советской историографии установить прочную связь между стихийными крестьянскими движениями середины XIX в. и преобразованиями 1860—1870-х гг. в ущерб «сознательной» деятельности «верхов» по их подготовке также не способствовало углубленному пониманию эпохи «Великих реформ»).

Как нам представляется, схему С. Ваго следовало бы дополнить также за счет подключения еще одного измерения, а именно *источника изменения*. В этом случае исследователь получает возможность идентифицировать отношение фактора изменения к тому социальному феномену, который подвергается изменению. В первую очередь, важно знать, является ли источник изменения внутренним (эндогенным) или внешним (экзогенным).

Эволюционистская парадигма

Рассмотрим несколько теоретических парадигм, акцентирующих внимание на социальных изменениях, но при этом предлагающих различные интерпретации этих изменений. В XIX в. широкую популярность приобрела эволюционистская парадигма, в основе которой лежала идея о предсказуемом, кумулятивном процессе изменений общества, движущегося от одной стадии к другой, обычно более совершенной, сложной, расширяющей возможности человека. Эволюционистские подходы нашли применение как в социальных науках, так и в биологии (наиболее влиятельным биологом-эволюционистом был Чарльз Дарвин, предложивший теорию естественного отбора для объяснения развития биологических видов).

Эволюционистская парадигма развивала идею прогресса, которая стала активно использоваться для объяснения динамики истории в эпоху Просвещения XVIII в. Считается, что наиболее полно прогрессистская концепция истории была разработана Ж.А. Кондорсе, который утверждал бесконечность и необратимость эволюции человеческого сообщества. По мнению Кондорсе, в историческом раз-

Истории человечества выделяется десять основных эпох: 1) эпоха племенной организации, когда основными занятиями людей были рыболовство, охота и собирательство; 2) эпоха перехода от скотоводства к земледелию, приведшая к росту производительности человеческого труда, появлению в итоге у человека досуга, развитию его разума и талантов; 3) эпоха «прогресса земледельческих народов до изобретения письменности», которая сопровождалась усилением неравенства, ростом городов, административной и судебной власти, возникновением новых форм политического устройства общества, впоследствии получивших наименование республиканских; 4) эпоха античности, для которой было характерно возникновение профессиональной группы людей, занимавшихся наукой, появление культуры теоретизирования и искусства; 5) эпоха «прогресса наук от их разделения до их упадка», в ходе которой начался процесс дифференциации научного знания, а затем распространение и возвышение христианской религии, послужившее, по мнению Кондорсе, сигналом полного упадка наук; 6) эпоха упадка просвещения вплоть до начала крестовых походов; 7) эпоха возрождения наук на Западе до изобретения книгопечатания, сопровождавшаяся быстрым развитием производства, появлением первых бумажных фабрик, ветряных мельниц, переворотом в военном деле, связанным с изобретением пороха и компаса; 8) эпоха с изобретения книгопечатания и до избавления науки и философии от ига авторитета, в течение которой прогресс становится окончательным и необратимым, разум и природа превращаются в единственных учителей и авторитетов для человека, осуществляются географические открытия и религиозная реформация; 9) эпоха от времени Декарта до образования французской республики характеризуется, по мнению Ж.А. Кондорсе, тем, что «разум окончательно разбивает свои цепи», наблюдается стремительный прогресс науки (открытие законов природы Ньютоном; быстрое развитие изящных искусств; установление в обществе законов, гарантирующих личную и гражданскую свободу), смягчение нравов, ослабление религиозной нетерпимости; 10) эпоха прогресса человеческого разума, которая, согласно Кондорсе, приведет к уничтожению неравенства между нациями, прогрессу равенства между различными классами и действительному совершенствованию человека [37]. Таким образом, «линейная концепция прогрессивного развития» Кондорсе утверждала неуклонное, без остановок и падений, восхождение человечества к высотам разума, справедливости, мира и добра» [38]. При этом необходимо отметить, что Ж.А. Кондорсе предполагал для отсталых народов возможность ускоренного развития, с минимальными издержками, благодаря использованию плодов просвещения более передовых стран мира (то есть благодаря диффузии).

В начале XIX в. французский социальный теоретик К.А. Сен-Симон сформулировал эволюционный закон, согласно которому общество в зависимости от господствующих в нем типов знания проходит по восходящей лестнице три стадии: *теологическую* (переход от первобытного идолопоклонства к политеизму и связанному с ним рабству), *метафизическую* (смена политеизма монотеизмом христианской религии и утверждение феодально-сословного строя) и *позитивную* (постепенное утверждение с XV в. позитивного, научного мышления и индустриализма, искоренение паразитизма). Последняя совпадала с

появлением *индустриальной системы* (термин был предложен самим Сен-Симоном), которая характеризовалась превращением общества во всеобщую ассоциацию людей; складыванием единого, хотя и многослойного, класса «индустриалов», занятых в индустриальном производстве (объединявшего буржуазию и пролетариат); утверждением индустриальной технологии, завершившей борьбу общества за гегемонию над природой; обязательным для всех производительным трудом; равными для всех возможностями применения своих способностей; введением распределения «по способностям»; государственным планированием промышленного и аграрного производства; превращением государства из орудия лишь господства в инструмент организации производства и просвещенного благосостояния; постепенным утверждением всемирной ассоциации народов и всеобщего мира при стирании национальных границ [39].

Вера в социальную эволюцию, прогрессивное развитие социальных форм человеческого общежития составила кредо возникшей в XIX в. науки социологии, которая фокусировала внимание на динамику социальных классов, культур, нормативных систем, других институционализированных моделей поведения и, наконец, общества в целом.

Один из основателей социологии, предложивший собственно данный термин (1838 г.) для обозначения научной дисциплины, О. Конт (1798—1857) опирался на прогрессистские идеи просветителей XVIII в. и работы К.А. Сен-Симона, секретарем и помощником которого он был с 1817 по 1824 г. О. Конт верил в то, что общество движется от низших стадий к высшим, к совершенному устройству. При этом Конт полагал, что переход к совершенному обществу произойдет не посредством политической революции, а благодаря применению новой моральной науки (представляющей вершину наук) — социологии, пользующейся «позитивистским» научным методом (наблюдение, эксперимент, сравнение), который позволит понять порядок и обеспечит прогресс. Как и К.А. Сен-Симон, О. Конт полагал, что общество проходит (согласно «закону трех стадий») три исторические эпохи развития, соответствующие трем стадиям интеллектуальной эволюции человека: 1) *теологическую* или воображаемую (скрытые силы как первопричина развития; знание пронизано «теологическими» концепциями, а в примитивном обществе господствуют жрецы и монархия, военная элита; данная эпоха сама включает три стадии: а) анимизм и фетишизм; б) политеизм; в) вера в единого бога или возникновение христианства, что знаменует кульминационный момент развития в рамках данной стадии); 2) *метафизическую* или абстрактную (абстрактная сущность как первопричина развития; господство спекулятивного знания, связанного с «негативной» эрой социального критицизма, а также политической революции; объяснение причинно-следственных связей в терминах абстрактных сил; промежуточное общество) и 3) *позитивную* или научную (взаимоотношения как первопричина развития; эпоха социальной реорганизации на основе «позитивного», «надежного» научного знания, разрабатывающего объяснения в терминах естественных процессов и научных законов, утверждения нового рационального правительства и «религии гуманизма»; индустриализм; научное общество). По мнению О. Конта, западная цивилизация достигла позитивной

стадии в управлении природной средой и была на подступах к ней в деле управления социальными отношениями [40].

Г. Спенсер (1820—1903) полагал, что развитие является универсальным процессом, то есть всеобщим законом природы. Социальное развитие он рассматривал как линейный непрерывный кумулятивный процесс, посредством которого все постоянно синтезируется на более высоких уровнях сложности. Он утверждал, что человеческое общество, подчиняясь непреложным законам, следует путем естественного развития, от относительно примитивных форм организации к более сложным структурам, характеризующимся расширяющейся специализацией частей. Как и О. Конт, Спенсер признавал стадийность социальной эволюции (простые, сложные, двойной сложности и тройной сложности), в частности, движение от простой однородности в «военном» обществе (совместная деятельность по обороне и наступлению ради сохранения и увеличения территории, противоборство, агрессия; принуждение, принудительное сотрудничество; индивид для государства; государственная централизация; фиксированный статус; автономная и самодостаточная экономика; патриотизм, лояльность по отношению к власти, дисциплина) к сложной разнородности в индустриальном обществе (мирное воспроизводство индивидуальных деятельностей; добровольное сотрудничество; государство для человека; индивидуальное самоограничение; государственная децентрализация; пластичный и открытый статус; экономическая взаимозависимость; уважение, индивидуальная инициатива, сила убеждения, альтруизм). Кроме того, Г. Спенсер настаивал, что существует равновесие между населением и продовольственным снабжением: прирост населения, превышающий увеличение ресурсов, необходимых для выживания, вызывает борьбу за существование. Объясняя функционирование общества, Г. Спенсер, будучи сторонником эволюционного учения Ч. Дарвина, прибегал к организмической аналогии (представление о взаимозависимости различных частей общества, которые стремятся обеспечить выживание и функционирование системы в целом) — признанию принципиального сходства изменений в социальных и биологических организмах (увеличение массы или размера какой-либо части в любом из этих организмов корреспондирует с соответствующими изменениями многочисленных взаимосвязанных частей данных организмов). Г. Спенсер не верил в возможность усовершенствования общества посредством законодательных инструментов, отводил государству минимальную роль в регулировании общества, полагая, что последнее должно развиваться естественным путем [41].

Во второй половине XIX в. в рамках эволюционного подхода нашла отражение «великая дихотомия» между традиционным и современным обществом. Фердинанд Теннис (1855—1936) предложил различать понятия *gemeinschaft* (небольшие по размерам, примитивные, традиционные, гомогенные, тесно связанные общины, в которых доминируют близкие, доверительные человеческие отношения, аналогичные отношениям в первичных группах типа семьи или между старыми друзьями — поскольку члены такого сообщества заинтересованы в благосостоянии соседа, они готовы помогать друг другу бескорыстно, нерасчетливо) и *gesellschaft* (большие, урбанистические, индустриальные общества,

в рамках которых человеческие отношения приобретают безличный, индивидуалистический, формальный, договорный, прагматический, конкурентный, реалистический и специализированный характер, лишенный взаимного доверия), то есть сельскохозяйственное и индустриальное общества. Если люди в *общине* выступают как спаянный коллектив, то в *обществе*, скорее, каждый отвечает за себя, преследует собственную выгоду, и поэтому там господствует напряженность; вмешательство в личную жизнь расценивается членами *общества* как враждебное действие. Доверие, забота друг о друге, характерные *общине*, заменяются контрактными отношениями между людьми в *обществе*. По мнению ученого, в процессе исторической эволюции, под влиянием урбанизации, *община* подвергается разрушению и замещается *обществом* [42].

В интерпретации Э. Дюркгейма формам социального порядка в примитивных (традиционных) и современных обществах были подобраны соответствующие понятия *механической* (основанной на общих убеждениях и консенсусе, обнаруживаемых в пределах коллективной совести) и *органической* (взаимозависимость экономических связей, возникающих в результате дифференциации и специализации в современной экономике, новая сеть профессиональных ассоциаций, связывающих индивидов с государством, появление в этих ассоциациях коллективно создаваемых моральных ограничений) *солидарности* [43].

Материалистическая схема социальной эволюции, базировавшейся на развитии отдельных элементов материальной культуры, была разработана американским антропологом и историком Л.Г. Морганом (1818—1881) в сочинении «Древнее общество» (1877 г.). Введенная Морганом периодизация включала три стадии: дикость, варварство, цивилизация, — которые, в свою очередь, делились на ступени (I. Низшая ступень дикости, происхождение человека; II. Средняя ступень дикости, открытие рыболовства и использование огня; III. Высшая ступень дикости, открытие лука и стрел; IV. Низшая ступень варварства, открытие гончарного производства; V. Средняя ступень варварства, domestикация животных и земледелие; VI. Верхняя ступень варварства, открытие железа; VII. Цивилизации, от изобретения алфавита, письменности до настоящего времени) [44].

В целом классическая эволюционная теория характеризовалась представлением 1) о детерминистической предопределенности социальной эволюции (человеческое общество естественно, неизбежно, непрерывно развивается); 2) о векторности социальной динамики (социальные изменения однонаправленны, социальные единицы движутся вдоль одной линии, от низших уровней к высшим, от примитивного к развитому, продвинутому социальному устройству); 3) о имманентной природе эволюции (источники изменений, потенциалы возможностей располагаются в самих социальных единицах, подвергающихся трансформациям; они имеют эндогенный характер); 4) положительной ценностной окраской эволюционного процесса (движение к конечной стадии приравнивалось к прогрессу, росту гуманизма и цивилизованности); 5) видением социальных изменений как медленных, постепенных, кумулятивных, пошажных; эволюционных, а не революционных; 6) редукционистским сведением форм эволюции к некоторому универсальному стандартному набору, обязательному для всех обществ.

В середине XX в. эволюционная парадигма оказала существенное воздействие на модернизационный подход, послужив ему, наряду с функционализмом, теоретическим фундаментом. Обычно, сторонники данного подхода говорили о прохождении человеческими коллективами стадий традиционного, переходного и современного (modernity) общества. Рельефное воплощение эволюционизма получил в одной из наиболее известных модернистских конструкций — концепции стадий экономического роста У. Ростоу. Согласно У. Ростоу, процесс экономического развития (модернизации) последовательно проходит пять стадий: 1) традиционное общество; 2) подготовка к «взлету»; 3) «взлет» или «рывок» (takeoff stage); 4) движение к зрелости; 5) общество высокого массового потребления [45].

Первая стадия в схеме У. Ростоу (традиционное общество) характеризуется преобладанием сельскохозяйственного производства, невысокими темпами накопления, практически отсутствием сбережений, традиционной ментальностью, тормозящей развитие. *Вторая стадия* призвана подготовить предпосылки для взлета. На данной стадии растет численность населения, аграрное производство, появляются предприниматели, возникают банки и другие экономические институты, происходит централизация государственного аппарата, получает распространение идея, согласно которой экономический прогресс не только возможен, но и необходим. На *третьей стадии* экономический рост становится обычным явлением. Взлет, согласно У. Ростоу, сопровождается увеличением удельного веса сбережений и реинвестиций (накопления) к внутреннему доходу с 5 до 10 и более процентов; развитием одного или более базовых производственных секторов, характеризующихся высокими темпами роста; наличием или быстрым появлением политических, социальных и институциональных рамок, обеспечивающих эксплуатацию импульсов к расширению в современном секторе экономики. У. Ростоу фиксирует начало стадии взлета для Великобритании примерно 1783 г., для Франции и США — 1840, а для Индии — 1950 г. *Четвертая стадия* характеризуется широким применением современных технологий во всех секторах экономики; увеличением с 10 до 20% удельного веса реинвестиций от национального дохода; созданием условий для непрерывного, устойчивого, самоподдерживающегося экономического развития «на собственной основе», без обязательной перекачки капитала извне и без дополнительных изменений в поведенческих моделях потребления, сбережения и накопления, на основе достижения производительности, превосходящей рост потребления. На *пятой стадии*, по мнению У. Ростоу, наблюдается сдвиг в сторону производства потребительских товаров и услуг, роста благосостояния населения. Данная стадия, как полагал У. Ростоу, была достигнута Соединенными Штатами приблизительно в 1920 г., Западной Европой и Японией — в 1950-х гг. Предложенная У. Ростоу схема эволюции, несмотря на присущую ей дисциплинарную ограниченность, вызвала плодотворные научные дискуссии и стимулировала, таким образом, развитие подходов в рамках теории модернизации и экономического роста.

Между тем, на протяжении XIX—XX вв. социологами, историками, антропологами было собрано много информации, которая противоречила однолинейной схеме эволюции человеческого сообщества путем его постоянного

усложнения, совершенствования. «Когда европейцы начали открывать мир, они столкнулись с огромным многообразием обществ, каждое из которых демонстрировало невероятное многообразие обычаев и ценностей, — пишет Х. Дж. М. Классен, — Эти общества возникли как следствие реализации многочисленных региональных вариантов развития. Лишь с огромным трудом наши предшественники XIX столетия смогли систематизировать сведения об этом сбивающем с толку многообразии человеческих культур» [46]. Многочисленные примеры стагнации, уадака, коллапса, циклические структуры, возвращение к сходным политическим и социокультурным моделям на различных стадиях эволюции (вызывающее ощущение *déjà vu*) никак не укладывались в прокрустово ложе линейной необратимой прогрессивной динамики человечества [47].

Проблемы, поставленные на основе изучения эмпирического материала, вызвали разнообразные теоретические реакции, лежащие как в рамках эволюционной парадигмы (попытки ее обновления, корректировки), так и за ее пределами (например, циклическая парадигма или отказ от претензий на макросоциологическое теоретизирование и призыв к углубленному изучению эмпирического материала, микроисторических ситуаций). В результате наметилась тенденция к диверсификации эволюционной парадигмы: одни ее сторонники пытались сохранить данный подход практически в неизменном виде (например, Р. Карнейро [48]), другие вносили разнообразные изменения, способствовавшие некоторой трансформации парадигмы. Идея однолинейной эволюции в значительной степени дискредитировала себя и была потеснена мультилинейными (в том числе билинейными [49]) моделями развития. Мысль о многолинейной природе эволюции в 1930-е гг. высказал антрополог Дж. Х. Стюард, оппонировавший своего современника — Л. А. Уайта, продолжавшего защищать идею однолинейной эволюции (Л. А. Уайт в 1959 г. утверждал: «В настоящее время существуют некоторые признаки того, что эпоха антиэволюционизма в культурной антропологии завершается. Это подобно выходу из темного тоннеля или пробуждению после кошмарного сна. Драгоценное время было потеряно в противостоянии этой плодотворной научной концепции, но теория эволюции вновь займет свое место и докажет свою значимость в культурной антропологии, как это уже произошло в других областях науки» [50]). Дж. Х. Стюард утверждал, что «некоторые базовые типы культуры могут развиваться сходными путями под влиянием аналогичных условий, однако немногие конкретные аспекты культуры будут появляться во всех человеческих обществах в упорядоченной последовательности». Сторонники мультилинейного подхода полагали, что модели эволюции (примерно равноценные) могут существенно варьировать, что возможно существование различных путей развития, что динамики различных обществ не обязательно подчиняются одним и тем же закономерностям, а общества не всегда проходят одни и те же стадии в процессе своей эволюции, то есть, не существует единого исторического маршрута, проходимого всеми обществами. В 1960 г. М. Салинз и Э. Сервис пытались объединить перспективы линейной и многолинейной эволюции, предложив различать «общую» (прогрессивная эволюция человеческой культуры в целом посредством ее усложнения; развитие следующих друг за другом продолжительных стадий, таких, например, как

эпоха охоты и собирательства, аграрное общество, период промышленной революции, атомный век и т.д.) и «специфическую» (качественные трансформации конкретных обществ, локальных культур или групп культур в течение относительно коротких временных интервалов; культурное разнообразие, обусловленное воздействием частных факторов, таких как среда, диффузия, новации, составляет главную особенность специфической эволюции) эволюцию — таким образом, идея многолинейности сводилась указанными авторами к признанию побочных траекторий развития [51].

Идея многолинейной динамики получила широкое распространение в рамках современного модернизационного анализа (необходимо признать, что некоторые представители модернизационной перспективы говорили о возможности движения к обществу *modernity* различными путями и ранее — так, Б. Мур уже в 1960-е гг. выделял три траектории модернизации: буржуазная в Великобритании и США; аристократическая в Германии и Японии; крестьянская в России и Китае [52]). В исследованиях 1990-х гг. утверждается, например, о четырех «дверях» или «путях в/через модернизацию» (Г. Терборн), восьми типах трансформации обществ второй половины XX в. (В. Цапф) и т.п. [53].

Тезис об усложнении, совершенствовании как основных принципах эволюции также оценивается некоторыми исследователями как неудовлетворительный. Х. Дж. М. Классен высказывает мнение о предпочтительности использования понятия *структурного изменения* как базисного, на основе которого можно было бы построить здание эволюционной конструкции. «Структурное изменение», — пишет он, — выражает тот факт, что в одной или нескольких сферах культурной системы происходят изменения, которые сказываются на всех (или большинстве) других сторон этой системы. Система как целое будет изменяться вследствие данных изменений. Нет необходимости в том, чтобы вся она трансформировалась сразу; процесс может растянуться на какое-то время» [54].

В целом эволюционная парадигма, пользовавшаяся большой популярностью на протяжении XIX—XX вв., испытывает сегодня серьезные затруднения. В частности, вызывает вопросы эволюционистский телеологизм и фатализм, который вряд ли могут прояснить туманные ссылаки на анонимные естественные законы развития. Не вполне ясно в рамках эволюционистской парадигмы место «человеческого фактора» (человек, наделенный волей и рассудком, — активный актер исторического процесса, творец истории), который обыкновенно редуцируется сторонниками эволюционизма до уровня зависимой переменной в силу признания естественного характера развития. Отсутствуют четкие критерии, позволяющие относить очередную трансформацию общества (переход от одного типа к другому) к числу общеэволюционных сдвигов или к разряду неупорядоченных случайностей. Если пользоваться дихотомической схемой «общая» — «специфическая» эволюция, то, опыт же, возникают затруднения при определении статуса социальных изменений — являются они *общими* или же *специфическими*. Всегда может возникать опасение — не есть ли идентификация общего пути эволюции лишь некоторой интеллектуальной подгонкой, метафорой, за которой скрываются идеологические, политические, расовые или другие интересы. Некоторой метафорой представляется и обычное приращение эволюционному процессу по-

ложительного характера, статуса прогресса. Тезис о том, что социальные изменения способствуют расширению возможностей адаптации общества к среде, не является абсолютно очевидным. Хорошо известно, что усложнение социального устройства, колоссальные успехи в технологической и научной сферах не делают общество менее хрупким, менее уязвимым, более устойчивым. Напротив, «прогресс» расширяет диапазон и масштаб рисков, которые приобретают все более угрожающий для человека характер (понятие «общества риска», возможно, наиболее адекватно отражает существо современного социального порядка [55]). Кроме того, само понятие «прогресс» имеет историческую и, вероятно, национальную природу. Содержание, которое в него вкладывалось, например, в индустриальную эпоху или вносится в эру постмодерна, далеко не аналогично. Прогресс в советском обществе трактовался иначе, нежели в постсоветской России [56]. В связи с тем, что темпы развития различных компонентов социума не совпадают, а возможны ситуации, когда их динамики имеют различную направленность (прогресс (и эволюция) в сфере технологической и, в меньшей степени, экономической представляется более понятным; ответить же на вопрос, что такое прогресс в сфере социальных, политических отношений, культуры, весьма затруднительно), сложно представить, что вообще должно обозначать понятие *эволюция общества или культуры в целом*.

Циклическая парадигма

Пик популярности циклических теорий социальных изменений пришелся на 1920—1930-е гг., то есть на период между Первой и Второй мировыми войнами [57]. Данные теории в большинстве своем характеризовались крайним пессимизмом в оценках перспектив развития человека и общества, что, как принято считать, отражало ощущение катастрофичности, нарастания хаоса, распада человеческого сообщества, нарастания отчуждения и падения нравов, вызванных индустриализацией, урбанизацией, секуляризацией, девальвацией религиозных ценностей, пугающим рождением «массового общества» и т.д.

Циклическая парадигма нашла отражение в творчестве таких мыслителей, как О. Шпенглер (1880—1936), А. Тойнби (1889—1975), П.А. Сорокин (1889—1968), В. Парето (1848—1923), А.Л. Крёбер (1876—1960), которые преимущественно акцентировали внимание на формах динамики отдельных цивилизаций или культур. Созданные ими конструкции были по существу циклическими теориями исторического круговорота, согласно которым общество и его подсистемы движутся по замкнутому кругу, регулярно возвращаясь вспять, к исходному состоянию. Указанные ученые стремились восстановить последовательность фаз в развитии мировых цивилизаций, которая обычно включала рождение, рост, зрелость и упадок. Предлагаемые ими схемы динамики не исключали присутствие в историческом процессе определенных закономерностей (ритмическая, рекуррентная регулярность, повторяемость в рамках, ограниченных, с одной стороны, деградацией, смертью, а с другой, — расцветом, кульминацией развития), но не предусматривали векторности, направленности истории, которая цементировала эволюционистскую парадигму. Таким образом, в основе циклической парадигмы лежало убеждение, что все наличные совре-

менные социальные формы, механизмы, практики уже имели место быть прежде, на более ранних витках динамики человеческого сообщества, что вся история — это рецидивирующий, возвратный процесс. Данный подход явно обнаруживает аналогию с биологическим циклом — замкнутым циклом развития живого существа от его рождения до смерти, вечно повторяющимся вплоть до исчезновения популяции, к которой он принадлежит.

По мнению немецкого историка О. Шпенглера, общества (культуры [58] — египетская, вавилонская, индийская, китайская, классическая или «аполлоновская» (греко-римская), византийско-арабская или «магическая», мексиканская (мая) и западная или фаустовская), подобно людям, проходят фазы детства, юности, зрелости («золотой возраст») и старости. Умирая, обладавшие душой культуры, по схеме О. Шпенглера, перерождаются в мертвые, бездуховные цивилизации.

В виде циклического процесса рассматривал динамику обществ (цивилизаций) известный английский историк А. Тойнби. Каждый цикл, по его мнению, начинался с «вызова» со стороны окружающей среды, на который следовал «ответ» общества. В случае успешного ответа общество выживало, и процесс социальной динамики продолжался вплоть до следующего вызова; если же ответ был неудачным, общество погибало. При определенных условиях (присутствие в данном обществе творческого меньшинства и наличие среды, которая не является слишком неблагоприятной, но, в то же время, и слишком благоприятной) возможно возникновение цивилизации (исследователь насчитывал более 20 цивилизаций). Рост цивилизации, согласно концепции А. Тойнби, — это постоянный кумулятивный процесс ее внутреннего самоопределения и самовыражения, этерализации (возвышения) ее ценностей, экспонирования ее потенциалов (например, эстетических в античной цивилизации, религиозных — в индийской, научно-механистических — в западной), не связанный жестко с технологическим прогрессом. Но, в конечном счете, неспособность справиться с очередным вызовом приводит к надлому (недостаток созидательной силы у творческого меньшинства, отказ большинства подражать меньшинству, распад социального единства в обществе), разложению и гибели цивилизации. Между надломом и гибелью цивилизации (стадия упадка), как считал А. Тойнби, могли проходить столетия и даже тысячелетия. Историк допускал возможность преобразования цивилизации, ведущего к рождению новой цивилизации. Таким образом, динамика цивилизации в концепции А. Тойнби включает возникновение, рост, надлом, распад и гибель. Однако историк не настаивает на фатальной предопределенности прохождения каждым обществом всех перечисленных фаз и допускает возможность выталкивания цивилизации с циклической дистанции истории в результате безответного вызова со стороны внешней среды.

Циклический подход при анализе социальных изменений применялся видным русско-американским социологом П.А. Сорокиным. Его книга «Социальная и культурная динамика», вышедшая в 4-х томах в 1937—1941 гг., — беспрецедентный по объему и эмпирическому охвату труд, была посвящена детальному исследованию греческой, римской и западной культур приблизительно с 600 г. до н.э. до 1920 г. (делаются также экскурсы в египетскую, индусскую,

китайскую культуру). П.А. Сорокин выделил три главных типа социокультурных суперсистем — «идеациональную» (сверхчувственную), «чувственную» и «идеалистическую» (позднее получившую наименование «интегральной»), — каждая из которых «обладает свойственной ей ментальностью, собственной системой истины и знания, собственной философией и мировоззрением, своей религией и образцом святости, собственными представлениями правого и недолжного, собственными формами изящной словесности и искусства, своими нравами, законами, кодексом поведения, своими доминирующими формами социальных отношений, собственной экономической и политической организацией, наконец, собственным типом личности со свойственным только ему менталитетом и поведением». Элементы «идеациональной» системы основываются на вере, интуиции, нечувственном восприятии; цели и потребности в рамках ее носят духовный характер («священная» система); «чувственная» система составлена из элементов, подчеркивающих чувственную сторону человеческой природы, непосредственно воспринимаемых органами чувств человека, изучаемых эмпирической наукой («светская» система). «Идеалистическая» система, промежуточная, смешанная по своей природе, комбинируется из элементов «идеациональной» и «чувственной» систем и характеризуется большим вниманием к творческой активности человеческого разума в области искусства, литературы и мысли. В конкретной истории лидирует та или иная суперсистема (поэтому подход П.А. Сорокина иногда называют теорией смены социокультурных типов). П. Сорокин на основе изучения различных культурных компонентов — музыки, литературы, живописи, науки, техники, философии, права, которые он пытался измерять (при активном использовании статистических методов), — построил множество графиков, призванных иллюстрировать динамики указанных областей культуры. Исследователь утверждал, что циклические колебания в области творческих достижений на Западе имели место с самых истоков истории. П. Сорокин соотнес динамики культурных практик с выделенными им социокультурными системами («идеациональной», «чувственной» и «идеалистической») и картировал их подъемы и спады. П. Сорокин пытался ответить на вопрос, происходит ли перестройка культуры в целом как единой системы, или изменения различных элементов культуры осуществляются независимо друг от друга. По мнению П. Сорокина, циклы совокупной культуры и ее различных элементов взаимосвязаны между собой и направляются своего рода логическим принципом, который содержится в самой культуре в целом (при этом П. Сорокин противостоял экстерналистским интерпретациям причинности). Ученый утверждал, что «начиная с момента возникновения, каждая социокультурная система является главным фактором собственной системы. Судьба, или последовательные стадии жизненного пути системы, — это главным образом раскрытие потенциальных возможностей, присущих данной системе». «Поскольку в системе, с момента ее возникновения, — писал П.А. Сорокин, — заложен ее дальнейший путь, она является системой самодетерминированной. Так как будущее системы зависит главным образом от нее самой, подобного рода самодетерминация является свободной, протекающей спонтанно, согласно природе системы, из ее глубин» [59].

По мнению П.А. Сорокина, общей моделью динамики социокультурных систем являются «непрерывно изменяющиеся повторяющиеся процессы». Исследователь отвергает как ошибочные односторонние строго циклические, однозначно линейные концепции, концепции абсолютной уникальности изменений (отсутствие повторяющихся ритмов, акцент на их новизне) и концепции статической тенденции (инвариантность, неизменность социокультурного мира). «Достоверной концепцией является та, согласно которой в мире происходит «непрерывное изменение» главных повторяющихся тем и которая включает в себя, как частный случай, все перечисленные концепции» [60]. Социокультурное изменение, например, может принять первоначально линейную форму, затем, в результате внутренних преобразований, модифицировать направление динамики, в результате чего может появиться новая форма. Последняя может быть снова линейной, циклической или, возможно, колебательной (вибрирующей, осцилляторной). В процессе последующих нерегулярных флуктуаций культура может частично вернуться к состоянию, близкому, но все же не идентичному прежнему, уже когда-то пережитому. Таковую сложную динамику культуры можно рассматривать как близкую к циклической.

Антрополог А.Л. Крёбер анализировал множество отраслей культуры — философию, науку, зодчество, живопись, театральное искусство, литературу, музыку — со времен ранней греческой цивилизации до 1940-х гг. (в орбиту внимания были включены как европейские, так и многие азиатские культуры). Он заметил, что те индивиды, которые признавались выдающимися, гениальными для соответствующих эпох, появлялись чаще в кластерах, а не в изоляции. Ученый полагал, что появление таких кластеров означает периоды наивысшего развития культурного творчества (расцвета, подъема). В то же время возможны периоды, лишенные выдающихся открытий и личностей (регрессии, упадка). Таким образом, согласно схеме А.Л. Крёбера, динамика цивилизаций описывалась как чередование нерегулярных пиков и спадов (своеобразные циклы). Вопреки О. Шпенглеру и А. Тойнби, А.Л. Крёбер утверждал, что одна и та же культура может переживать расцвет неоднократно. Крёбер не обнаруживал тесной корреляции между динамиками различных элементов культуры, хотя и признавал тенденцию к совпадению успешного развития в различных областях культуры в периоды, отмеченные высоким уровнем раскрытия творческого потенциала [61].

В целом, применение циклической парадигмы вызывает множество вопросов, порой схожих с теми, которые рождает использование эволюционной парадигмы. Самый главный вопрос, видимо, касается природы тех непреложных «законов», которые регулируют якобы ритмическую повторяемость исторического процесса. Социальные изменения не всегда имеют циклический характер — данное обстоятельство тоже создает затруднения для сторонников циклической парадигмы. При этом не следует, думается, отбрасывать опыт, накопленный сторонниками циклической парадигмы, как абсолютно не имеющий значения. Представляется, что его изучение может пролить дополнительный свет на многие стороны социальной динамики, а некоторые аспекты социальных модификаций могут быть адекватно проанализированы только при посредстве циклических моделей.

«Равновесная» парадигма

В рамках «равновесной» парадигмы (структурно-функциональный анализ) динамика рассматривается как фактор, обеспечивающий сохранение социального порядка, структуры (равновесия). Исследователи, работающие в русле данного подхода, существенное внимание уделяют объяснению функций, которые должны выполняться, чтобы стабильность социальной системы или ее подсистем не подверглась деструкции. К числу ключевых концептов и категорий, которые осваивались в рамках «равновесного» подхода, можно отнести такие, как *структура, функция, равновесие, входы и выходы, среда, обратная связь*. При помощи данных концептов ученые формулировали всеобъемлющие теоретические модели социальных систем, которые могли выступать в качестве идеальных типов при идентификации и сравнительно-историческом изучении эмпирических общественных систем [62].

«Равновесная» парадигма формировалась под значительным влиянием органической метафоры — признания аналогии между социальным и биологическим организмами. Сторонники данной парадигмы исходят из того, что тесная связь между общественными институтами, гармоничная координация между ними напоминают взаимосвязь и взаимозависимость между частями биологического организма. По аналогии с биологическим организмом, каждая часть которого выполняет определенную функцию ради блага целого, социальные институты также имеют конкретные полезные функции, обеспечивающие стабильность и развитие общества.

Подобная ориентация сторонников «равновесной» парадигмы содействовала формированию у них образа общества в виде структурно упорядоченной системы: «Самым главным и фундаментальным свойством системы является взаимозависимость частей или переменных. Эта взаимозависимость состоит в строгой определенности отношений между частями или переменными и противостоит случайности изменений. Другими словами, взаимозависимость — это упорядоченность отношений между элементами системы» [63].

Т. Парсонс (1902—1979), крупнейший и наиболее влиятельный представитель функционализма XX в., сформулировал концепт «функционального императива», согласно которому для нормального существования общества необходимо выполнение четырех решающих функций (в противном случае общество подвергается деградации): а) адаптации, соотношения с окружающей средой при использовании ее ресурсов, рациональной организации объективного мира путем распределения людей и средств производства (выполняется экономическими институтами); б) целедостижения, то есть постановки целей и задач перед социальной системой (за реализацию данной функции ответственно государство); в) социальной интеграции, связывания институтов воедино, обеспечения сотрудничества взаимосвязанных индивидов, поддержания внутреннего порядка, (данная функция выполняется правовыми и культурно-религиозными институтами); г) поддержания латентности, то есть обеспечения соответствующих мотиваций, побуждающих индивидов действовать соответственно системным целям (выполняется институтами семьи и образования). Органическая аналогия, помимо прочего, привела Т. Парсонса к формулированию концепта «гомеостатического равновесия». В обществе, как и в биологическом организме, по мнению Т. Парсонса,

имеют место постоянные взаимодействия между институтами с целью поддержания гомеостатического равновесия. Как только один из институтов провоцирует социальное изменение, это вызывает цепную реакцию перемен в прочих институтах, чтобы сохранить гомеостазис. С этой точки зрения, социальная система Т. Парсонса не является статичной, неизменной целостностью; напротив, институты, ее составляющие, постоянно меняются и приспосабливаются друг к другу.

Изменения внутри социальной системы связываются сторонниками «равновесной» парадигмы с реорганизацией ролей, которая может приобретать различные формы, в том числе исчезновение каких-то ролей, появление новых или их модификация. В исследовании, посвященном английской хлопчатобумажной промышленности, Н. Смелзер утверждал, что более развитые общества отличаются от менее развитых или традиционных большей сложностью и структурной дифференцированностью основных институциональных ролей. Он предложил 7-стадийную схему последовательных действий, в рамках которой реорганизация ролей вызывает дальнейшую структурную дифференциацию [64]: 1) неудовлетворенность существующей моделью целедостижения в рамках социальной системы или подсистемы в вопросах возможностей изменений; 2) признаки беспокойства в форме «необоснованных» негативных эмоциональных реакций и «утопических» надежд различных элементов социальной системы; 3) скрытое управление этими напряженностями и мобилизация мотивационных ресурсов на новые попытки реализовать возможности существующей системы ценностей; 4) поощрение распространения «новых идей» без навязывания определенной ответственности за их выполнение или последствия; 5) положительные попытки освоить новые идеи и институциональные образцы; 6) ответственное выполнение новых практик индивидами или коллективами, которые или получают в результате вознаграждение или же подвергаются наказанию, в зависимости от приемлемости данных инноваций в рамках существующей системы ценностей; 7) если выполнение новых практик (стадия 6) получает одобрение, они постепенно подвергаются рутинизации, превращаясь в обычные образцы исполнения и санкций; их исключительность в результате уменьшается [65].

Преимуществом «равновесного» подхода считается его «универсальность», «всеобщая» применимость. Однако, у этого подхода имеются и свои недостатки. Дело в том, что он дает скорее некоторые концептуальные рамки, которые сами по себе не продуцируют проверяемые гипотезы или то, что обычно называют «обобщениями среднего уровня». Данный подход в общем слабо стимулирует стремление углубляться в эмпирический материал. Фундаментальной проблемой «равновесного» подхода является то, что он не эластичен к динамике, изменениям. Само понятие «система» и сопутствующее ему понятие «равновесие» ориентируют исследователя на изучение структурных, более-менее стабильных, находящихся в состоянии относительного равновесия, а не динамических, компонентов исторического процесса. Конечно, возможно использование концепта «система» в динамическом контексте, с фокусировкой при этом на такие понятия, как отставание, запаздывание, сдвиг фаз, руководство, инициатива, обратная связь. Однако в действительности большинство исследований, проведенных на базе структурно-функционального подхода, не акцентирует внимания на дан-

ных динамических категориях. Акцент делается на разработке моделей различных типов систем, а не на исследовании различных типов изменений и переходов от одной системы к другой.

Конфликтологическая парадигма

Конфликтологическая парадигма в значительной степени противопоставлена «равновесной», акцентируя внимание не на стабильности, порядке, а на социальных изменениях, противоречиях, конфликтах, которые, как считается, имеют повсеместный характер. Таким образом, для представителей «равновесного» и конфликтологического подходов важными представляются различные стороны социальной реальности: для первых — это инвариантность, организованность, стабильность для вторых — динамизм, изменчивость. Сторонники конфликтологического подхода (к числу крупнейших представителей данного направления следует отнести К. Маркса и Ф. Энгельса, Р. Дарендорфа, Л. Козера; в последнее время активно развивается направление феминистских и гендерных исследований, также основанное на убеждении, что именно неравенство и конфликт — в данном случае между полами, — а не солидарность, олицетворяют властные отношения между различными сегментами социума) рассматривают конфликт в качестве важнейшего фактора социальных перемен. При этом имеются существенные различия во взглядах между представителями конфликтологической парадигмы. В рамках историко-материалистического подхода модель социального конфликта приобрела дихотомический характер — все общества делятся на два основных антагонистических класса эксплуататоров и эксплуатируемых (в капиталистическом обществе данные классы представляют интересы труда и капитала), неизбежная борьба между которыми (классовая борьба) вследствие неразрешимости классовых противоречий ведет к революционному разрушению существующего социального порядка и кардинальной трансформации всего общества («... всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов, а существование этих классов и вместе с тем и их столкновения между собой в свою очередь обуславливаются степенью развития их экономического положения, характером и способом производства и определяемого им обмена» [66]). Л. Козер и Р. Дарендорф признают возможность конфликта по поводу контроля над определенными ресурсами и распределением власти и авторитета в обществе в разнообразных формах. Они предпочитают говорить не о дихотомическом, а о перекрестных множественных конфликтах (отражающих множества интересов) когда союзники в одном вопросе превращаются в противников в другом, которые предотвращают разделение всего общества по одной оси. Подобный подход превращает конфликт в фактор, скорее, предотвращающий социальную нестабильность за счет уравнивания различных интересов и практик [67]. К позитивным последствиям конфликта сторонники ряда конфликтологических перспектив относят: предохранение социальных систем от окостенения, создание стимулов для изобретательской деятельности, внедрения инноваций; укрепление взаимной связи внутри противоборствующих сторон; выявление целей и стремлений конфликтующих

ющих групп; уменьшение индивидуальных отклонений и аномии в группах; усиление тенденций созидания и обновления. В качестве отрицательных влияний конфликта рассматриваются следующие: упрощение и схематизация решения в том случае, если конфликтующие стороны хотят достичь компромисс; инкриминирование конфликтующей группе отклоняющегося поведения на основании зачастую одного не репрезентативного случая; создание трудностей в деле поддержания порядка и устойчивости.

Конфликтологическая парадигма вносит существенный теоретический вклад в разработку проблем социальных изменений. Тем не менее, она не может претендовать на всеобъемлющее объяснение истории. За ее рамками оказывается множество важных факторов и механизмов преобразований. Сторонники конфликтологической парадигмы обыкновенно оказываются в затруднении, когда пытаются придать своему подходу теоретически самостоятельный характер, — им нередко приходится прибегать к категориям, принадлежащим другим направлениям социальной мысли (например, «функция», «система», «формация», «стадия» и т.д.). Нередко конфликтологический подход интегрируется в более сложные теоретические конструкции, построенные на основе использования различных перспектив (например, историко-материалистический подход).

Итак, мы рассмотрели ряд парадигм, применяемых при изучении процесса социальных изменений. Ни одна из них не может считаться всеобъемлющей. Наряду с достижениями, каждая из указанных парадигм несет груз проблем. Вряд ли современного исследователя может удовлетворить органицизм, который лежит в основе «равновесного» подхода и, в определенной степени, — эволюционно-го и циклического. Немногие сегодня согласятся признать, что процессы социальных изменений осуществляются строго и однозначно по однолинейной или, например, циклической модели. Перестройки, преобразования общества подчиняются гораздо более сложным механизмам, направление движения общества в целом может меняться, непрерывный прогресс — скорее фикция, художественный образ, чем реальность. Уповать на естественный характер социальной динамики также представляется легкомысленно. Выбор направлений развития находится в значительной зависимости от действий людей, наделенных сознанием и волей. Проблема взаимодействия между социальными структурами (экономическими, собственно социальными, политическими, институциональными, культурными, ментальными и т.д.) и субъектами истории, наделенными волей и свободой выбора, между структурной детерминантностью и человеческими возможностями выходить за рамки установленных прошлым ограничений заслуживает дальнейшей серьезной разработки. Тем не менее, выявление накопления нового качества, сдвигов в экономической, социокультурной, институционально-политической сферах жизни, определенных этапов, которые проходит общество в своем развитии, представляется оправданным (в качестве одного из подходов познания). Картина, которая получается в результате применения данного подхода, может напоминать набор дискретных отрезков, протянутых вдоль гипотетической линии, возможно, олицетворяющей движение от точки недостаточной развитости к прогрессу (но не обязательно). Необходимо также фокусировать внимание и на комплексе достаточно медленно меняющихся параметров, характеризующих социокультурное и ци-

визуальное ядро социальной системы. В рамках данного подхода исследователь акцентирует внимание на инерционность истории, на континуитет между историческим прошлым и настоящим. Различные по своему существу, эти подходы взаимодополняют друг друга. Действительно, весь ход человеческой истории убеждает в том, что в ней присутствует динамика, развитие, несмотря даже на возможность серьезных кризисов и реверсивных движений. При этом очевидно, что различные компоненты общественной структуры меняются (и развиваются) неравномерно, с различными скоростями, и скорость развития каждого из них оказывает определенное воздействие на прочие компоненты (в свою очередь, ускоряя или замедляя их развитие). Общество на хронологически более ранней стадии обычно по целому ряду параметров отличается от общества через определенный промежуток времени. В то же время изменения обыкновенно не способны целиком размыть характеристики, которые приписываются конкретному обществу. Сами трансформации зачастую приводят лишь к перегруппировке, перестановке акцентов в комплексе характеризующих его корневых параметров, к трансформации взаимосвязей, существующих между ними. История — это не только точки и паузы, но и последовательная строка, что необходимо учитывать при описании любых исторических процессов и «длительностей».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Тернер Дж. Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. С. 27—28.

2. Мнение, что проблема социальных изменений является центральной в обществоведении, также представлено в литературе. Например, см.: «Изучение социальных изменений — основное в социологии. Возможно, вся социология концентрирует внимание на изменениях» (Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 12).

3. Заслуживает внимания мысль Антуана Про о наличии связи между историей (процессом истории) и структуризацией (кристаллизацией структурных связанностей): «Время историков предстает, таким образом, как уже структурированное, уже артикулированное время. <...> Однако период представляет и подлинно научный интерес: он указывает на то, что одновременность не является случайным совпадением, простым рядом положением, связывающим факты разного порядка. Различные элементы, составляющие период, более или менее тесно связаны между собой. Они «идут вместе». Это — *Zusammenhang* немцев. Они объясняют друг друга. Целое учитывает части». (Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 120.).

4. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.

5. См.: Рогов К.Е. Россия и современный мир (Москва). 1993, № 1 // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 182.

6. Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 597.

7. Нефедов С.А. Метод демографических циклов в изучении социально-экономической истории допромышленного общества. Автореф. дисс. ... к.и.н. Екатеринбург, 1999.

8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 133; Т. 36. С. 146; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 597—598.

9. См.: Фурастье Ж. Технический прогресс и капитализм с 1700 по 2100 год. Какое будущее ожидает человечество? Прага, 1964; Легостаев В.М. Наука в рамках тоталитарной утопии Жана Фурастье // Вопросы философии. 1974. № 12.

10. См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М., 1999; Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М., 1999; Тоффлер О. Третья волна. М., 1995; Также см.: Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000; Аси Э.К. Введение в социологию. СПб.: Алетейя, 2000. С. 179—193.
11. Топольский Е. Рефеодализация в экономике крупных земельных владений в Центральной и Восточной Европе. М., 1970.
12. О роли инноваций в процессах экономического развития см., например: Санто Б. Инновация как средство экономического развития. М., 1990.
13. Бернал Дж. Наука в истории общества. М., 1956. С. 215.
14. См.: Алексеев В.В., Нефедов С.А., Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 2000. № 5—6: Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений. С. 152—183.
15. Малла М. Краткий XX век // Россия на рубеже XXI века: Отглядываясь на век минувший. М.: Наука, 2000. С. 122.
16. See: Rueschmeyer D. Partial modernization // Explorations in general theory in social science: essays in honor of Talcott Parsons / Ed. by J.C. Loubser et al. N.Y., 1976. Vol. 2. P. 756—772; Цит. по: Волков Л.Б. Теория модернизации — пересмотр либеральных взглядов на общественно-политическое развитие (Обзор англо-американской литературы) // Критический анализ буржуазных теорий модернизации. Сборник обзоров. М., 1985. С. 72—73. Необходимо признать, что Р. Бендикс уже в 1960-е гг. признавал, что реальный процесс модернизации протекает как «частичный» (See: Bendix R. Tradition and modernity reconsidered // Comparative studies in society and history. Hague, 1967. Vol. 9. № 1. P. 330). Также см.: Побережников И.В. Модернизация: теоретико-методологические модели // Дни науки УрГИ. Гуманитарное знание и образование в контексте модернизации России. Материалы научной конференции. Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2001. С. 19—20.
17. См.: Розов М.А. Методологические особенности гуманитарного познания // Проблемы гуманитарного познания. Новосибирск, 1986. С. 33—54; Побережников И.В. Методологические проблемы исторического исследования: природа исторической реальности и масштаб рассмотрения // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 7—25.
18. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983. С. 399.
19. См.: Вебер М. Избранные произведения. М., 1990; Он же. Избранное. Образ общества. М., 1994; McClelland D.C. Business Drive and National Achievement // Social Change: Sources, Patterns and Consequences / Etzioni A. and Etzioni-Halevy E. (eds.). New York: Basic Books, 1973. P. 161—174; Также см.: Зарубина Н.Н. Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998.
20. Moore W.E. Social Change. Englewood Cliffs, N.Y.: Prentice-Hall, 1974. P. 34—46; Also see: Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 75—79; Штомпка П. Социология социальных изменений... С. 31—37.
21. Длинные волны: Научно-технический прогресс и социально-экономическое развитие. Новосибирск, 1991. С. 15.
22. Анчишкин А.И. Наука, техника, экономика. М., 1986. С. 177—178.
23. Tiryakian E. Modernization in a Millenarian Decade: Lessons for and from Eastern Europe // Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe / Grancelli B. (ed.). Berlin; New York: De Gruyter, 1995. P. 254—256.
24. See: Tiryakian E. The Changing Centers of Modernity // Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt / Cohen E., Lissak M., Almagor U. (eds.). Boulder, CO: Westview Press, 1985. P. 131—147.

25. См.: Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Новосибирск, 1997. Т. 1: От прошлого к будущему.
26. См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв.: В 3-х тт. М., 1986, 1988, 1992; Cameron R. A Concise Economic History of the World. From Paleolithic Times to the Present. New York; Oxford, 1989; Wallerstein I. Underdevelopment Phase-B: Effect of the Seventeenth-Century Stagnation on Core and Periphery of the European World-Economy // The World-System of Capitalism: Past and Present / Ed. by W.L. Goldfrank. Beverly Hills, CA: Sage, 1979. P. 73—84; Длинные волны... С. 106—108.
27. См.: Смелзер Н. Социология. М., 1994. С. 567—568.
28. См.: Там же. С. 611.
29. Гидденс Э. Социология. С. 673. В другом месте автор пишет: «Для определения значимости перемен необходимо установить, насколько изменилась глубинная структура данного объекта или ситуации в течение некоторого периода времени. Если говорить о человеческом обществе, то, чтобы решить, в какой степени и каким образом система подвержена процессу изменений, необходимо определить степень модификации основных институтов в течение определенного периода. Любой учет изменений также предполагает выделение того, что остается стабильным, так как это является основанием, на фоне которого определяются изменения». (Там же. С. 591.)
30. Асп Э.К. Введение в социологию. С. 114, 172.
31. See: Vago S. Social Change. P. 7—9.
32. See: Ibid. P. 4—6, 9—10.
33. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 104.
34. See: Dahl R. Pluralist Democracy in the United States: Conflict and Consent. Chicago: Rand McNally, 1967.
35. См.: Поппер К. Нищета историцизма. М., 1993. С. 81.
36. См.: Там же. М., 1993. С. 20.
37. См.: Кондорсе Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума // Философия истории. Антология. М.: Аспект-Пресс, 1994. С. 38—48.
38. Философия истории. Под ред. проф. А.С. Панарина. М., 1999. С. 364.
39. См.: Сен-Симон К.А. Собрание сочинений. М.; Л., 1923; Он же. Избранные сочинения. М.; Л., 1948. Т. 1—2.
40. См.: Конт О. Основные законы социальной динамики, или общая теория естественного процесса человечества // Философия истории. Антология. С. 116—130; Comte A. The Progress of Civilization through Three States // Social Change. Sources, Patterns, and Consequences. Ed. by Eva Etzioni-Halevy and Amitai Etzioni. N.Y., 1973. P. 14—19. Также см.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 86—147.
41. См.: Spencer H. The Evolution of Societies // Social Change. Sources, Patterns and Consequences. P. 9—13; Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 1996. С. 28—38.
42. Toennies F. Community and Society: Gemeinschaft und Gesellschaft. East Lansing Michigan State University Press, 1957; Idem. From Community to Society // Social Change. Sources, Patterns, and Consequences. P. 54—62; Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. С. 81—84; Скирбекк Г., Глябе Н. История философии. М., 2000. С. 650—654.
43. См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991. Также см.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. С. 315—401; Монсон П. Современная западная социология: теория, традиции, перспективы. СПб., 1992. С. 37—41.
44. Морган Л.Г. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934; Он же. Лица ходячих, или прожекты. М., 1983.

45. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; Rostow W.W. The Takeoff into Self-Sustained Growth // Social Change. Sources, Patterns, and Consequences. P. 285—300.
46. Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 13.
47. См.: Там же. С. 7.
48. См.: Карнейро Р.Л. Культурный процесс // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1: Интерпретации культуры. С. 421—438; Carneiro R.L. The Four Faces of Evolution // Handbook of Social and Cultural anthropology / Ed. by J.J. Honigman. Chicago: University of Chicago Press, 1973. P. 89—110.
49. См.: Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лышча В.А. Альтернативы социальной эволюции (вводные замечания) // Альтернативные пути... С. 45—49.
50. См.: Уайт Л.А. Концепция эволюции в культурной антропологии // Антология исследований культуры. С. 558.
51. См.: Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма... С. 11—15; Коротаев А.В., Крадин Н.Н., Лышча В.А. Альтернативы социальной эволюции... С. 49—61; Steward J.H. Evolution and Progress // Anthropology Today / Ed. by A.L. Kroeber. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 313—326; Idem. Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana: University of Illinois Press, 1955; Idem. A Neo-Evolutionist Approach // Social Change. Sources, Patterns, and Consequences. P. 131—139; Уайт Л.А. Концепция эволюции в культурной антропологии // Антология исследований культуры. С. 536—558; Он же. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры // Там же. С. 559—590; Также см.: Аверкиева Ю.П. Историко-философские взгляды Лесли А. Уайта (1900—1975) // Этнография за рубежом (историографические очерки). М., 1979. С. 48—69.
52. Moore B.Jr. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston, 1966.
53. Therborn G. European Modernity and Beyond: The Trajectory of European Societies, 1945—2000. London, New Delhi: Sage Publications, 1995. P. 5—7; Цафр В. Теория модернизации и различные пути общественного развития // Социс. 1998. № 8. С. 16—17.
54. Классен Х.Дж.М. Проблемы, парадоксы и перспективы эволюционизма... С. 7—8.
55. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; Beck U. Risikogesellschaft. Frankfurt, 1986.
56. Например, см.: Козловски П. Культура постмодерна. М., 1997; Dube S.C. Modernization and Development: The Search for Alternative Paradigms. Tokyo, London, 1988.
57. Необходимо признать, что циклическая парадигма имеет длинную традицию. Циклические представления разделяли многие философы и историки древности, средних веков, нового времени (Гераклит, Аристотель, Полибий, Сыма Цянь, Ибн Хальдун, Н. Макиавелли, Дж. Вико, Н.Я. Данилевский и др.).
58. «Культуры, — по мнению О. Шпенглера, — это организмы, а мировая история есть их коллективная биография».
59. Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб., 2000. С. 748.
60. Там же. С. 779, 781.
61. В целом о циклической парадигме см.: Сорокин П. О концепциях основоположников цивилизационных теорий // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. М., 1999. С. 38—47; Он же. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Там же. С. 47—54; Он же. Социальная и культурная динамика... ; Шпенглер О. Закат Европы. Новосибирск, 1993; Он же. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. М., 1998. Т. 1—2; Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 1996; Он же. Постижение истории. М., 1991; Крёбер А.Л. Стиль и цивилизации // Антология иссле-

дований культуры. С. 225—270; Он же. Конфигурация развития культур // Там же. С. 465—496; Spengler O. The Life Cycle of Cultures // Social Change. Sources, Patterns, and Consequences. P. 20—25; Pareto V. The Circulation of Elites // Ibid. P. 26—29; Также см.: Штомпка П. Социология социальных изменений... С. 186—201; Философия истории. Под ред. проф. А.С. Панарина. М., 1999. С. 340—361; Мелко М. Природа цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 306—327; Уэскотт Р. Исчисление цивилизаций // Там же. С. 328—344; Ито Ш. Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Там же. С. 345—354.

62. См.: Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Издание Международного Университета Бизнеса и Управления, 1996. С. 393—461; Парсонс Т. Система координат действия и общая теория систем действия: культура, личность и место социальных систем // Там же. С. 462—478; Он же. Функциональная теория изменения // Там же. С. 478—493; Он же. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Там же. С. 494—525; Он же. О структуре социального действия. М., 2000; Parsons T. A Functional Theory of Change // Social Change. Sources, Patterns, and Consequences. P. 72—86; Уолш Д. Функционализм и теория систем // Новые направления в социологической теории. М., 1978. С. 111—139.

63. Parsons T., Shils E. Towards a General Theory of Action. Free Press, New York, 1951. P. 107; Цит. по: Новые направления... С. 113.

64. Н. Смелзер определяет структурную дифференциацию как процесс, в ходе которого «одна социальная роль или организация ... дифференцируется на две или большее количество ролей или организаций, которые функционируют более эффективно в новых исторических условиях. Новые социальные единицы структурно отличаются друг от друга, но, взятые в совокупности, они представляют функциональный эквивалент первоначальной единицы» (Smelser N.J. Social Change in the Industrial Revolution. Chicago: University of Chicago Press, 1959. P. 2).

65. Ibid. P. 15—16.

66. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21. С. 259.

67. Там же. Т. 7. С. 5—110; Козер Л.А. Функции социального конфликта. М., 2007; Он же. Функции социального конфликта // Американская социологическая мысль... С. 542—546; Он же. Завершение конфликта // Там же. С. 546—555; Dahrendorf R. Toward a Theory of Social Conflict // Social Change. Sources, Patterns, and Consequences. P. 100—113; Coser L.A. Social Conflict and the Theory of Social Conflict // Ibid. P. 114—122; Антология гендерной теории. Минск: Проплеи, 2000; Также см.: Тернер Дж. Структура социологической теории. С. 125—219; Томпсон Д.Л., Пристли Д. Социология. М.; Львов, 1998. С. 407—418; Асп Э.К. Введение в социологию. С. 147—150.

SOCIAL CHANGE IN THEORETICAL PROJECTIONS

A social change as a phenomenon of social reality is identified in the article and its parameters are defined. The author analyses different theoretical approaches (evolutional, «equilibrium», cyclical, conflict, etc.) applied to the study in change and defines their epistemological limits.

I.V. Poberezhnikov